

© 2001 г., ЭО, № 4

С.Н. Смольников

АНТРОПОНИМИЯ ВЕРХНЕГО ПОДВИНЬЯ XVII В. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ КРАЯ*

Имена собственные – важный материал для изучения истории и быта русского народа. Исследователи традиционно в качестве источника по истории заселения края рассматривают географические названия. Начиная с 60-х годов XX в. внимание лингвистов привлекают проблемы лингвогеографического описания топонимии, при этом убедительно доказывается обусловленность распространения топонимических типов историей заселения конкретных местностей и территорий, например Русского Севера и Сибири (Р.А. Агеева, М.В. Витов, И.В. Власова, И.А. Воробьева, А.К. Матвеев, И.И. Муллонен, В.А. Никонов, Ю.С. Азарх, Ю.И. Чайкина и др.)¹. По ареалам описываются топоосновы и топоформанты (как субстратные, так и собственно русские), географические термины. В связи с изучением миграционных процессов рассматривается так называемая *перенесенная топонимия* – географические названия, мигрирующие вместе с переселенцами².

Антропонимия, по мнению исследователей, – основной раздел ономастики, в котором находит языковое отражение история культуры³. Ономастические исследования последних лет по проблеме «культуры в зеркале языка» обозначают новые направления в исторической антропонимике⁴. Подход к именам собственным, базирующийся в данных работах на материале древних двучленных имен, мог бы быть достаточно продуктивным и при изучении антропонимии других исторических эпох.

Современная антропонимика развивается главным образом в русле регионалистики. Многочисленные исследования показывают, что в каждой локальной антропонимической системе отражаются основные нормы восприятия человека, способы характеристики лица, наиболее яркие признаки именуемых, значимые для жителей той или иной местности. В настоящее время существует серьезная проблема, связанная с изучением ареалов распространения антропонимических типов. Между тем обширные исторические материалы практически не привлекаются для решения данных проблем или используются в незначительной степени – в современной отечественной ономастике исследуются в основном структурная типология антропонимов, семантика их производящих основ и функционирование в разных слоях общества в разные эпохи.

Ареальное изучение языка письменных памятников позднего средневековья – одно из наиболее перспективных направлений современной лингвистики⁵. Лингвогеографическая ценность старорусской антропонимии заключается в том, что отмеченные в деловых документах данные имеют массовый характер, четко датированы и локализованы. Они отражают этнокультурные особенности жителей различных территорий XVI–XVII вв. Круг подобных исследований севернорусской антропонимии представлен лишь единичными работами (исследования географии русских фамилий, изучение распространения суффиксов личных имен в древнерусском языке и др.)⁶.

Видимо, есть немало объективных причин, по которым доступная исследователям старорусская антропонимия считается малоинформативной в лингвогеографическом плане: ее сравнительно поздний по отношению ко времени заселения края характер

* Статья написана при поддержке РФФИ (грант № 00-04-000-35а).

общие тенденции развития на разных территориях, подвижность, изменчивость, крайняя зависимость от социальных факторов, а также отсутствие работ, подробно описывающих локальные антропонимические системы в одних и тех же аспектах. В настоящее время существует большое число исследований антропонимии отдельных старорусских территорий, но они пока недостаточны для сопоставления и обобщения: чаще всего изучаются ономастиконы жителей городов, анализ же сплошных массивов крестьянской антропонимии той или иной местности проводится реже.

В основе данной статьи – исследование антропонимии Верхнего Подвинья XVI–XVII вв., которое позволяет сделать ряд выводов относительно заселения этого края и процессов, влиявших на формирование этнокультурного облика жителей региона. К исследованию привлечены данные по Устюжскому и Усольскому уездам, занимавшим обширную территорию в верхнем течении Северной Двины и по ее притокам – Сухоне, Югу, Вычегде, а также по Устьянским волостям, расположенным к западу от данных уездов по р. Устье, правому притоку Ваги⁷. Основной сравнительной территориальной единицей послужила крестьянская волость.

Как известно, население Верхнего Подвинья в XVII в. не было этнически однородным. В древности эти земли входили в состав Заволочья, в дославянский период населенного различными этническими группами финно-угорской языковой семьи. В зоне славянского заселения рано оказываются бассейн р. Сухоны (с XII в.), Устюг (с XIII в.), Верхняя Двина и Вычегда (с XIV в.). Первая славянская колонизационная волна была новгородской. С пребыванием новгородцев связано основание поселений, укрепленных городков недалеко от будущего Сольвычегодска, а также на месте г. Лальска, Кичменгского и Подосиновского Городков на р. Юг и т.д.⁸ Более интенсивным было освоение ими Важских земель. Значительную роль в славянском заселении края сыграла «низовская» колонизация (вначале ростово-суздальская, а с XIV в. из московских земель). «До середины XVI в. уезды раннего освоения Севера были такими же перевалочными районами для мигрировавшего сюда населения из центра и Новгородской земли, какими позже сами восточные уезды стали для населения, направлявшегося в Сибирь»⁹. Движение колонизационных потоков и массовых миграций населения в регионе не прекращалось вплоть до XVIII в.¹⁰

Трудности лингвогеографического описания исторической антропонимии связаны с характером источников – памятников деловой письменности. Как известно, именование лица в документах зависело от принятых в делопроизводстве норм. Аресальное сопоставление личных именовании деловой сферы в большей степени отражает местные писцовые традиции, нормы составления документов, обусловленные влиянием разных письменных центров, чем особенности живой разговорной речи. В первую очередь это касается качественных (содержащих субъективную оценку) личных имен: если еще в XVI в. они часто записывались так, как употреблялись в живой речи (*Жданец, Первуница, Паршук, Якуш*), то в XVII в. фиксации их стандартны – имена крестьян и посадских жителей записываются преимущественно с качественными формантами *к-о, к-а* (*Жданко, Парфенко, Якунка*). Антропонимия деловой сферы XVII в. характеризуется неупорядоченностью и в то же время подстраиванием именовании под существующие образцы.

Большую ценность для анализа местных особенностей антропонимии представляют фамилии и фамильные прозвания, фиксируемые на исследуемой территории уже в XVI в., и реконструируемые на их основе личные имена и прозвища. Исследовался и топонимический материал, поскольку многие топонимы также образованы от антропонимов, а потому являются источниками их реконструкции¹¹ (ср.: *д. Гридинская а Гриди Дементьива то ж на озере на Ягрыше* – ПК Уст. 1623-2, л. 89).

Основная часть привлеченных к реконструкции топонимов зафиксирована памятниками деловой письменности Верхнего Подвинья XVII в. Как правило, это названия населенных пунктов, а также расположенных вблизи них рек, озер, ручьев, болот и т.п. Как источник для изучения антропонимов использовались и микропонимы – названия земельных участков, пожен (ср.: *пожня Шмачиха... Владѣет Лучка Шмаковъ* –

ПК СВ 1645, л. 139). Нередко топонимы свидетельствуют об «активности» суффиксов в той или иной местности: д. *Ортюковская а Савкино и Бетюковская то ж на рѣчке на Уфтыге* (ПК Уст. 1623, л. 136), *тоъ же деревни пожня Котыгина Бутыгина то ж* (там же, л. 374).

Привлекаемые к реконструкции топонимические источники не всегда отражают синхронное состояние антропонимической системы XVI–XVII вв.; кроме того, они позволяют делать выводы о более ранних миграциях населения. Например, топонимы сохраняют следы ранней новгородской колонизации (Устьянские волости, волости по р. Юг, низовья Вычегды). В первую очередь это названия деревень и микротопонимы, образованные от славянских имен композита* (новгородские берестяные грамоты свидетельствуют об «активности» таких имен в XIV–XVI вв. у лиц «низшего звания»): д. *Милославцева, Милославское болото* (устьянская Чадромская вол.), д. *Милославле, д. Вечеслово* (Вондокурский стан Устюжского у. – окрестности современного Котласа), д. *Милославская* (Палемская вол. Усольского у.) и др. Качественные композиты отражены названиями деревень *Ратчино* (сухонские волости, волость Вохма), д. *Ратово* (Халезец), *Путятино* (Пермогорская вол.) и др.

Антропоформанты. Привлеченный к анализу материал рассматривался с точки зрения распространенности суффиксов личных имен. Современные исследования древнерусских имен собственных позволяют сделать вывод о том, что антропоформанты можно разделить на несколько групп: суффиксы общеславянские, известные в разных языках и обладающие в них различной степенью продуктивности; суффиксы, известные только в русском языке и обладающие различной степенью продуктивности на всех русских территориях; локализованные суффиксы, продуктивные на отдельных территориях. Последние наиболее информативны. На территории Верхнего Подвинья отмечено 57 формантов. Среди них устойчивой продуктивностью обладали следующие: *-а, -к-а, -к-о, -ец, -ш, -уш-а, -ш-а, -ух-а, -ай, -ут-а, -н-я, -ун-я*. Их активность характерна для всей старорусской антропонимии в целом¹². Распространение их на всей исследуемой территории позволяет говорить об относительной однородности ономастиконов разных местностей, видимо, испытавших сильное влияние антропонимических систем центра Руси.

Большой интерес представляют раритетные форманты. Например, в исследуемом материале отмечен формант *ат-а*, который восходит к общеславянской эпохе и характеризуется исследователями как наиболее продуктивный для новгородских земель XI–XV вв.¹³ Важно подчеркнуть, что в XVI–XVII вв. на территории Верхнего Подвинья он сохраняется не только в названиях населенных пунктов, но и в основах фамилий: *Григорей Лукоянов сын Овсятина* (1543 г.); *улица Овсятина* (Устюг, 1623), д. *Юратинье* (устьянская Шангальская вол.), д. *Конятинская* (устьянская Ростовская вол.), д. *Путятино* (Пермогорская вол.), д. *Скорятино* (сухонская волость Верхняя Ерга Устюжского у.), д. *Чернятино* (низовья Юга, Быкокурский стан Устюжского у.) и др.

Формант деривативных христианских имен *хн-о, хн-е* (известный не только в старорусском, но и в староукраинском языке) встречается на Руси с XII в.¹⁴, в XIV–XV вв. распространение имен с данным формантом было локализовано: в Новгородской, Псковской, Белозерской землях¹⁵. По мнению В.Л. Янина и А.А. Зализняка, имена с *-хън-* (*Грихне, Вахне* и подобные) в раннем древненовгородском диалекте – черта, имеющая севернокривичское происхождение¹⁶. Много подобных образований, в том числе в основах отчеств и названий деревень, отмечено исследователями в Новгородских писцовых книгах XV в.¹⁷ На территории Верхнего Подвинья указанные суффиксы в основном отражены в топонимах, но в редких случаях встречаются и в фамильных прозваниях: *Ортемей Семеновъ сынъ Грихневъ Лузенинъ* (Устюг Великий, 1592 г. –

* Композита – сложное имя собственное, имеющее в своем составе не менее двух корневых морфем с соединительной гласной или без нее.

Шляпин, 1, с. 30), *Ондрей Артемьевъ сынъ Грихневъ* (Ратмеровская вол. Усольского у., 1611 г. – АХУ 1, с. 155). Фиксации антропотопонимов четко локализованы: д. *Михневская* (северодвинские волости Лупья, Ягрыш), д. *Вахневская* (Черевковская вол.), д. *Грихнева*, починок *Рохновской* (низовья Вычегды, Пачезерский и Окологородный станы Усольского у.), д. *Вахнево* (югская волость Шарженьга). Реконструируемые антропонимы, распространение которых в общих чертах соответствует местам новгородских поселений, позволяют предположить, что ранняя новгородская колонизация края носила достаточно массовый характер.

К сожалению, не все данные пока могут быть с достаточной уверенностью подвергнуты подобной интерпретации. Вызывают интерес форманты *-ук* (*Костюк, Оншук*); *иц-а* (*Левица, Первуница, Суковатица*) и др. Различаются ареалы бытования имен с формантом *-ай* (*Кузай, Федяй, Петряй, Костай, Черняй, Бурдай, Коротай* и др.) и *-ей* (*Кузей, Черней, Бурдей, Коротей* и др.). На общем фоне выделяется распространение имен с формантом *-ак-а* (*Ивака, Кормака, Селивака*) и др. Более точные выводы можно было бы сделать на основе картографирования, но оно требует значительного расширения исследуемого материала, причем не только по данной территории, но и по другим уездам Русского Севера и Центральной Руси.

Прозвища-катоиконимы. Достаточно информативны прозвища, возникшие из личных именовании или реконструируемые на материале местных фамилий и топонимов, особенно те, лексической базой создания которых являлись катоиконимы («названия лица по месту проживания или рождения»). Например: *Аристка Яковлевъ Пънежанин* (ПК Уст. 1623, Верхняя Ерга, л. 244); *Кирилко Назаровъ Новогородецъ* (Росп. 1654, Ентальская вол., л. 20 об.); *Зеновъка Григорьевъ Вологженинъ* (ПК СВ 1645, Пачезерский стан, л. 223); *Митка Григорьевъ Белозерец, Тимошка Наумов Двинянин* (ПК Устьян. 1635, Соденга, л. 14 об.).

Катоиконимы восходят к названиям населенных пунктов и местностей. Их включение в официальное именование было обусловлено требованиями многих типов документов точного указания места жительства лица. Данная информация могла выражаться различными средствами: например, катоиконимами – «Се язъ Йевъ Александровъ сынъ Новосолова, родомъ Кичменчанинъ, да съ своими дѣтьми съ Евпломъ, по прозвищу съ Первымъ, да съ Устиномъ, продали есмя деревню свою Тиунцово, в сухонскомъ стану, Соли Вычегодские уѣзда въ Заборской плусохъ» (1596 г., Шляпин, 1, с. 115); конструкциями с опорным словом «желец» – «Лальского погоста желецъ Гришка Саватѣевъ» (1623, АПД, с. 265); названием местности или населенного пункта в родительном падеже (с предлогом или без него) – «Быкокурского стану сборной цѣловалникъ Семень Завьяловъ деревни Кузина» (1661, АХУ 1, с. 335) и др.

Однако чаще всего в именовании жителей Верхнего Подвинья представлены уже не катоиконимы, а образованные от них прозвища. Ср.: *Устюжанинъ Петрушка Белозерецъ* (1632, АХУ 3, с.113); *Устюжанинъ Гришка Афонасеевъ сынъ Вологжанинъ* (1632, АХУ 3, с.124). Прозвищами по месту, откуда прибыл именуемый, являлись и антропонимы, созвучные топонимам. Например: *Назарко Синегя, Семейка Шемокса, Ортемейко Шолга, Ивашко Удима, Ивашко Пинегя* (КПК Уст. 1645, л. 25, 25 об., 30, 103, 107 об.) и др. Особенно часты и разнообразны эти прозвища у горожан. Приведем примеры, отмеченные в Крестоприводной книге Устюга 1645 г.: *Костромитин* (л. 72 об.), *Москвитин* (л. 17 об.), *Казанец* (л. 10), *Колмогорец* (л. 33), *Кевролец* (л. 89 об.), *Верхотурец* (л. 25), *Бруснянин* (л. 15 об.), *Орловец* (л. 16 об.), *Пушменин* (л. 16 об.), *Лузенин* (л. 16 об.), *Белозерец* (л. 17), *Тоименин* (л. 22 об.), *Усолец* (л. 23 об.), *Черевковец* (л. 25), *Уфтюжанин* (л. 26 об.), *Южак* (л. 32), *Мезенец* (л. 32), *Сняжанин* (л. 32 об.), *Борчанин, Пиняжанин* (л. 90), *Вычегжанин* (л. 109) и др.

Основную часть сельских жителей составляли государственные черносошные крестьяне и половники – наемные сельскохозяйственные работники из горожан и

крестьян. В именовании крестьян такие прозвища не менее разнообразны: *Аристок Яковлевъ Пънежанин* (Верхняя Ерга, ПК Уст. 1623, л. 244), *Суханко Холмогорец*, *Чюдинко Гаврилов Каргополец* (вол. Вешкурья, там же, л. 456 об. – 457), *Якушко Митрофанов сынъ Ржевитин* (устьянская Чушевицкая вол., КПК Устьян. 1682, л. 19 об.) и многие другие. Иногда описываемые антропонимы – уже фамильные прозвища, сохраняющиеся в именовании представителей одной семьи. В двинской вол. Дроковановой (Чупровой, Гробовой) Кулиге антропоним *Уфтюженин* является фамильным прозвищем, в Уфтыге таково прозвище *Пенеженя*, в Червковской вол. – *Пенеженин*, в устьянской Ростовской вол. – *Воложенин*, в устьянской Пежемской – *Кубенин* и др.

Прозвища-катоиконимы легли в основу многих крестьянских фамилий с суффиксами *-ов*, *-ев*: *Фетка Макарьевъ Рязанцов* (ПК Уст. 1677, л. 157 об.), *Трофимко Борисов Ваганов* (Шангальская вол., ПК Устьян. 1635, л. 5), *Илья Еремъев Москвин* (1636, АХУ 3, с. 184), *Яков Коломнин* (СК Усол. 1586, с. 188), *Савка Лукьяновъ сын Подмосковьев* (ПК СВ 1645, л. 30) и др. Наличием подобных фамилий характеризуются целые волости и отдельные деревни. Фамилия *Муромцев* – одна из самых распространенных в Шемогодской вол., *Югов* – в Ярокурском стане, *Ваганов* – в устьянской Шангальской вол., *Тверитинов* (*Тверяков*) в устьянской Дмитриевской и в северодвинской Черевковской волостях, *Москвин* (*Москвитинов*) – в Ивановской вол. и т.д. Данные прозвища реконструируются и на базе топонимов: *деревни Мезенинская* (Пермогорская вол.), *Тверитинова* (Черевковская вол.), *Вяцкая* (Вохма), *Вяткина* (Килченгская вол.), *Ваганова* (Кичменьгская вол.), *Пинегино* (Сухонский черный стан), *Москвитинская* (Бобровская вол.), *Ваганы на Удике* (Ярокурский стан), *пожня Южанинова* (Шемогодская вол.) и др.

В именах крестьянских волостей процент антропооснов (в том числе и в составе фамилий), образованных от катоиконимов, невелик – зафиксировано немногим более 300 фактов (повторяющаяся фамилия у жителей одного населенного пункта учитывалась только один раз). Однако статистические данные в этом случае не показательны. Наиболее часто эти прозвища встречаются в именовании половников (подсчеты исследователей показывают, что отход в половники в XVII в. был особенно характерен для жителей Устюжского у.¹⁸, а также монастырских вкладчиков и работников: у него работник *Кондрашка Яковлев Верховажец* (Бобровская вол.), пол/овник/*Васка Васильев Кокшар* (Ярокурский стан), пол/овник/*Перушка Чюхломец*, пол/овник/*Митрофанко Печеренин* (Вилегодская вол.), работники и вкладчики Николаево-Прилуцкого монастыря на Двине, 1677 г.: *Стенка Савин Южанин*, *Тренка Малков Лалетин*, *Данилко Иванов Сухонец*, *Ивашко Дементьев Зырянин* и др. Вместе с тем подобные именованя у половников, например, по Писцовой книге Устюжского у. 1623-1626 гг. в сравнении с аналогичным источником 1677 г. встречаются реже, чем у крестьян. В Сухонской трети Устюжского у. именованя половников, включающие разнообразные прозвища («с погоста Спаской половникъ *Поспѣлко Приходец*; половник *Васка*; *Оксенка Юшина* половник *Ивашко Варза*; устюжанина посацкого человека *Тренки Жилкинъского* в/о дворе/ половникъ *Ивашко Мурашка*» и т. п. – ПК Уст. 1623, л. 323 об., 324, 513 об., 190), составили 3%, в Двинской трети – 6%, а у остальных крестьян Сухонской трети – 0,6%, Двинской – 1,9%.

Полученные количественные данные относительно и по другой причине. В официальном именовании фамильные прозвища катоиконимического происхождения достаточно факультативны и поэтому не фиксируются. Например, один из носителей распространенной в Ярокурской вол. фамилии Клепиковых в документе лишь единожды упоминается под прозвищем *Южанин*: «На оброке за Ивашком Дмитриевымъ *Южанином*...» Ср.: «...на оброке за Ивашкомъ Дмитриевымъ да за Ондрюшкою

Микифоровымъ Клепиковыхъ; д. Демидова Гора а Клепиково то ж... (В)* Михалко Костянтинов (В) брат иво Ивашко (В) Ивашко Дмитреивъ... (В) Микифорко Микифоров Клепиков; д. Межница а Новинки то ж... (В) Ивашко Клепиков... (В) Ивашко Костянтинов Клепиков (В) Абрамко Михайлов Клепиков» (ПК Уст.1623, л. 323–334 об.). Можно привести и другие аналогичные примеры: д. Куколниково – «в/о дворе/ Степанко Иванов да дѣти ево» (там же, Дрокованова Кулига, л. 673), «на оброке Дроковановы Кулиги д/е/р/е/вни Куколниковы за кр/е/стьянином за Степанкомъ Ивановым Уфтюжаниномъ» (там же, л. 650 об.).

Кроме того, подобное прозвище получало далеко не каждое вновь прибывшее лицо и далеко не всегда прозвище закреплялось в официальном именовании, а вытеснялось другим прозвищем или фамильным прозвищем. Ср.: «Се язъ Иванъ Володимеровъ сынъ ростовцовъ Шахъ» (1530 г., Шляпин, 1, с. 108) – «Се язъ Иванъ Володимеровъ сынъ Шахъ; подписана Ивану Шаху» (там же, с. 107, 108); «Ортемень Лузянинъ» (там же, с. 92) – «Ортемей Семеновъ сынъ Грихневъ Лузенинъ» (1592 г., там же, с. 30); «Ортемей Семеновъ сынъ Грихневъ» (1584 г., там же).

Этимоны** антропонимов позволяют выявить, выходцы из каких земель переселялись на исследуемую территорию в XVI–XVII вв. Исходя из частоты употреблений тех или иных антропонимов, можно утверждать, что миграции населения шли в первую очередь с территорий Вологды и Белозерья, Вятки, Ваги, Пинеги и Мезени (на всей исследуемой территории), из центральных и западных районов Московского государства (Москва, Подмосковье, Балахна, Коломна, Тверь, Новгород, Ржев, Ярославль, Кострома, Чухлома, Галич, Муром, Рязань, Волынь и др.). Отмечены фамилии *Донской* (северодвинская волость Ягрыш), *Киевский* (устьянская волость Шангала), но такие факты исключительны.

Интересные выводы позволяет сделать рассмотрение географии данных слов. Прозвища-катойконимы, отражающие локальные миграции населения, распространены главным образом в соседних с территорией исхода волостях. География прозвища *Кокшар* свидетельствует о том, что выходцы с Кокшеньги переселялись на север – в устьянские волости (Чадромская, Шангалская, Пежемская, Чушевицкая), на юг – в сухонские волости (Верхняя Ерга), на восток – в прилегающие к Устьюгу Сухонский Черный стан, Ярокурский стан, Митрополье. С притока Северной Двины Уфтюги крестьяне (*уфтюжане*) переселялись на север, в соседнюю Пермогорскую вол. и в Дрокованову Кулигу. Выходцы из Верховажья (*верховажцы*) отмечены в соседней Бобровской вол. на р. Сухоне и т.д.

Антропонимы данного типа зафиксированные у населения, живущего вдоль притоков крупных рек, позволяют предполагать возможные пути переселения. Например, на миграции с Ваги на р. Устью, а затем на левые притоки Северной Двины в северодвинские волости – Черевковскую, Пермогорскую, Уфтюгу (в XVII в. это самые населенные волости в Двинской трети Устюжского у.) – указывает распространение прозвищ-катойконимов *Тверитин*, *Вологжанин*, *Кубенин* и др.; с Ваги по Кокшеньге на Сухону, а далее по притокам на р. Юг – *Кокшары* и *Ваганы*; с Пинеги на Северную Двину – *Пинежане* и т.д. Данные антропонимии свидетельствуют о том, что Сухона – центральная водная магистраль региона, где «новые пришельцы уже в XV в. находили все меньше свободных наиболее удобных для сельского хозяйства земель и уходили дальше»¹⁹, – в XVI–XVII вв. почти не служила территорией поселения для лиц, прибывающих из дальних мест.

Анализ географии прозвищ-катойконимов позволяет сделать и другие интересные наблюдения. Многие из рассмотренных лексем по своей сути являются не столько

* В писцовых книгах (В) означает «двор».

** Этимон – восстанавливаемая исследователем исходная форма данного имени, обычно наиболее ранняя из известных.

названиями жителей определенной местности, сколько характеристической территориально-этнических групп, т. е. близки к этнонимам. Например, в Чадромской вол. (нижнее течение рек Устья и Кокшеньги) отмечено именование Антошка Иванов сынъ *Устьянец* (КПК Устьян. 1682, л. 47 об.). Очевидно, жители Нижней Устья уже в XVII в. противопоставляли себя жителям Верхней Устья, более тесно связанной с двинскими волостями, которых и называли устьянцами. Данное противопоставление сохраняется и в наши дни, на что указывает Т.А. Бернштам: «В качестве самоназвания слово усьяна/усяки полевым обследованием не выявлено. Однако оно бытовало как экзоним жителей, живущих выше по реке относительно опрашиваемой части населения низовой территории (или ее отдельных местностей)»²⁰.

Аналогичные противопоставления можно встретить и на других территориях. В Сольвычегодске и Окологородном стане (нижнее течение Вычегды) отмечены прозвища *Вычегжанин*, *Вычегжанка* (ПК СВ 1645, л. 19, 104 об.), по всей вероятности, относящиеся к выходцам с Верхней Вычегды. Ср.: «Из Перми из Великия Аникей Андреев сын уроженьем Вычегжанин» (Шляпин, 2, с.162). В Быкокурском стане (нижнее течение р. Юг) зафиксировано прозвище Александрко Миниев *Южанинъ* (Росп. 1671, л. 72), свидетельствующее о том, что по этнокультурным признакам население этой местности противопоставляло себя *южанам* – вероятно, жителям верхних волостей. К сожалению, факты, подтверждающие эти предположения, немногочисленны.

Наиболее четко оппозиция «верх – низ» проявилась в антропонимии волостей, расположенных по Северной Двине от впадения в нее Сухоны и Юга до впадения Вычегды. Здесь в XVII в. были довольно распространены прозвища *верховец* и *низовец* (Пачезерский стан Усольского у., Вондокурский и Ярокурский станы, Вотложемская вол., Сухонские Нововышлый и Черный станы Устюжского у.): Павлик Низовець (КПК Уст. 1645, д. Морозовица, л. 34 об.), Офонка Верховецъ, Гришка Верховецъ (ПК Уст. 1623, Сухонский Черный стан, л. 162 об.), д. Колпакова на Двине: в/о дворе/ Лукьянко Низовець (там же, Сухонский Нововышлый стан, л. 198 об.), Усолского уезда Баскачья села кр/е/стьяне Жданко Иванов да Ортемко Семенов Верховецъ (там же, Вотложемская вол., л. 392), Логинко Кипреянов Низовець (там же, Вондокурский стан, д. Котлас, л. 356 об.), ц/е/рк/о/вной половник Пятунка Верховец (д. Приводино, Ярокурский стан), бобыли Гришка Андрѣевъ Низовцов, Ивашко Федоровъ Низовцов (д. Приводино, ПК Уст. 1677, л. 176 об.), в/о дворе/ Гришка Григоривъ сынъ Верховецъ (ПК СВ 1645, Пачезерский стан, л. 180) и многие другие. Распространение этих антропонимов не позволяет установить четкой границы между верховцами и низовцами; не исключено, что она была подвижной и представление о «верхе» или «низе» в каждой волости было свое.

Отэтнонимические антропонимы. Указание на этническую принадлежность лица в исследуемых источниках встречается крайне редко. Чаще всего это прозвища, поскольку от них образуются патронимы и фамильные прозвания: Ивашко Степанов *Пермитин*, ср.: Пантелѣико Степанов *Пермитинов* (ПК Уст.1623-2, л.195, 216). Рассматриваемые антропонимы *Лузянин*, *Пермитин*, *Зырянин*, вероятно, связанные с территорией Лузской Пермцы, отмечены только в волостях по рекам Двине и Югу. О коми субстрате (или, возможно, переселенцах с территории Поволжья) свидетельствуют и другие антропонимы.

Личные имена с окончанием *-эг (-ег)*²¹ отмечены в Сольвычегодском у. и в волостях Устюжского у., расположенных по р. Юг и верхнему течению Двины: *Веснег* (д. Веснѣгова – ПК Уст. 1623-2, Подосиновская вол., л. 340об.), *Кырчег* (по купчей Ерофѣика Кырчегова – ПК СВ 1645, Пачезерский стан, л. 176), *Чижег* (с полянки с Чижеговы – ПК Уст. 1623, Комарицкий стан, л. 501 об.), *Чернег*, *Посег* (д. Чернегова (волость Вохма), д. Посегова) и др.

На материале местных топонимов и фамильных прозваний реконструируются имена, оканчивающиеся на *-ас*: *Илас*, *Конас*, *Дурас*, *Матас*, *Пятас*, *Шестас* и др.

с формантами, характерными для имен народов Поволжья²² (волости Уфтюга, Варжа, Ивановская, Шарденга, Шолга, Кичменгская и др.).

Личное имя *Чудин* отмечено на разных территориях – Стефанъ Ерофеевъ сынъ *Чудинъ* (Ивановская вол.), *Чюдинко* Гаврилов Каргополец (волость Вешкурья), более часто встречается оно в северодвинских волостях: Пермогорской, Нижней Ерге, Лупье, Вондокурском стане. Имя *Корела* (*Корелка*, *Корелец*, *Кореленин*) в качестве прозвищ и в основе фамильных прозваний отмечено в волостях по рекам Устье (Чадромская, Соденгская, Никольская, Введенская), Двине (Комарицкий стан, Уфтюга), Вычегде (Окологородный стан), Югу (Килченга).. Антропонимы *Черемисин* (Халезская вол., Шарженга, Верхняя Ерга), *Мордвин* (Вондокурский стан, Вохма), *Татарин* (Алексинский стан, Лальский посад, Уфтюга, Ярокурский стан) встречаются на территориях по рекам Юг и Северная Двина. Ср. также: д. Башкир (Вохма). Этноним *Татарин*, отмеченный в именовании как горожан, так и крестьян, в посадах, как правило, присутствует в именовании дворовых людей, «купленных работников»: «во дв. Якушко Васильевъ сын Кирисиновъ, у него человекъ Левка Татаринъ» (ПК Лальск, 1678, с.54). Данный этноним, видимо, служил общим названием для представителей разных этнических групп. Ср.: «купленной работникъ тотаринъ Афонька Сибирякъ» (ПК Уст. 1677, с. 149), «Устюга Великого кабалной человекъ у покойного Тимофея Маркова Демька Ивановъ, а родомъ Кыркискихъ Тотаръ» (1629, АХУ 3, с. 83). Крестоприводная книга Устюга Великого 1645 г. выделяет «новокрещеных татар» в особую группу населения.

Косвенное свидетельство этнической неоднородности местного крестьянства – активное использование заимствованных имен: *Бакиѣико Нифонтов* (ПК Уст. 1623, л. 678), *Гришка Тимоѣивъ Карым Соснин* (ПК СВ 1645, л.35), *Ивашко Прокофѣив сын Мурат* (Росп.1660, л. 52 об.), *Васка Касимовъ сынъ Скрябинъ* (Росп.1654, л. 7 об.), Пятунка Долматов (КПК Уст.1645, л. 12) и др. Как отмечает Б.О. Унбегаун, «на Руси в XVI–XVII вв. существовала мода давать детям шуточные имена, включая и мусульманские, в качестве внутрисемейных»²³. Более редкими являются прозвища *Литва*, *Литвин*. Один раз встретилось именование Омоско Михайлов *Тунгус* (устьянская Введенская сошка) и ряд других.

Таким образом, анализ данных старорусской антропонимии Устюга Великого, Устюжского у., волостей Усольского у., Устьянских волостей, зафиксированной в памятниках местной деловой письменности XVI–XVII вв. и реконструируемой на базе антропотопонимов, позволяет сделать выводы как о формировании населения этого севернорусского региона, так и о сравнительно поздних миграциях. По данным антропонимии, переселенцы двигались по традиционным путям, известным с древности. Значительную роль в формировании населения играли локальные миграции, которые нашли отражение в распространении катойконимов и этнонимов. Насколько массовым было это явление, по данным антропонимии судить сложно. В составе населения края в исследуемый период выделялись локальные группы, исторически сложившиеся социально-территориальные общности: сухонцы, южане, двиняне (ярокурцы, вондокурцы, комаричане, уфтюжане, пермогорцы и др.), усольцы, вычегжане, вилегжане, устьяне и т.д. Однако в целом антропонимия деловой сферы XVII в. однородна, в ней значительны черты, сближающие ее с антропонимическими системами других севернорусских территорий и центральных регионов. Выявление локальных особенностей ономастиконов требует дальнейшего изучения.

Примечания

¹ *Агеева Р.А.* Топонимия как источник изучения истории заселения края. М., 1979; *Витов М.В.* Севернорусская топонимия XVI–XVII вв. // *Вопр. языкознания.* 1967. № 4; *Власова И.В.* Ареалы топонимов с формантом -иха и -ата, -ята в Заволжье и междуречье Северной Двины и Волги // *Этнография имен.* М., 1971; *Воробьева И.А.* Словообразование русской топонимии Западной Сибири в связи с историей ее заселения // *Фил. науки.* 1965. № 1; *Матвеев А.К.* Происхождение основных пластов субстратной топонимии

мики Русского Севера // *Вопр. языкознания*. 1969. № 5; *его же*. Русская топонимия как источник сведений о древнем населении Севера // *Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тез. докл. междуз. конф.* Вологда, 1998 и др. работы; *Муллонен И.И.* Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994; *Смолицкая Г.П.* Топонимический ареал и вопросы реконструкции лексической системы языка // *Вопр. языкознания*. 1978. № 4; *Чайкина Ю.И.* География словообразовательных топонимических моделей Русского Севера (На материале ойконимии Вологодской области) // *Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии*. Вологда, 1987 и др.

² *Нерозник В.Л.* Перенесенная топонимия Западной Сибири (к постановке проблемы) // *Восточно славянская ономастика. Материалы и исследования*. М., 1979. С. 175–183; *Подольская Н.В.* Отражение народных миграций в топонимии // *Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа*. М., 1998. С. 101–116.

³ *Трубачев О.Н.* Праславянская ономастика в этимологическом словаре славянских языков. Вып. 1–13 // *Этимология*. 1985. М., 1988. С. 5.

⁴ *Топорова Т.В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996; *Топоров В.Н.* Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **niġ-*) // *История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Междунар. съезд славистов. Доклады рос. делегации*. М., 1993.

⁵ *Демина Е.И.* Принципы лингвогеографической интерпретации данных памятников славянской письменности // *Славянское языкознание. X Междунар. съезд славистов. Доклады сов. делегации*. М., 1988. С. 117.

⁶ *Никонов В.А.* География фамилий. М., 1988; *Гвоздева Е.Л.* Образование и функционирование мужских календарных имен в русской деловой письменности XIV–XVI вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Днепрпетровск, 1987; *Чайкина Ю.И.* К географии неофициальных личных имен крестьян в старорусском языке (на материале топонимии Вологодской области) // *Формирование и развитие топонимии*. Свердловск, 1987. С. 70–78.

⁷ Материалом исследования послужили именованья жителей Устюжского, Сольвычегодского (Усольского) уездов и устьянских волостей в памятниках деловой письменности XVI–XVII вв. различной жанровой принадлежности. Разнообразные частно-деловые акты (челобитные, порядные, купчие, закладные), царские грамоты, судебные дела и др. представлены в Актах Холмогорской и Устюжской епархий (Ч. 1. Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. 12; Ч. 2. РИБ. Т. 14; Ч. 3. РИБ. Т. 25 (в тексте – АХУ 1–3)) и в Актах Писцового дела, собранных С.Б. Веселовским (Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1. Акты 1587–1627 гг.) М., 1913 (в тексте – АПД).

Основными источниками по устюжской антропонимии явились Сотная с книг письма Ю.И. Александрова-Самсонова на вотчину ростовского архиепископа в Устюжском уезде 1556–1557 гг. (Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1206. Оп. 1. Д. 28), Хозяйственные акты и вкладные книги Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря 1585–1617 гг. (*Шляпин В.П.* Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Ч. 1–2. В.Устюг, 1913 (в тексте – Шляпин, 1–2)), Писцовая книга Устюжского уезда 1623–1626 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 506, 507 (в тексте – ПК Уст. 1623)), Переписная книга Устюжского уезда 1677–1678 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15047 (в тексте – ПК Уст. 1677)), Крестоприводная книга Устюга и Устюжского уезда 1645 г. (РГАДА. Ф. 137. Устюг Великий. Д. 68 (в тексте – КПК Уст. 1645)), Именные росписи даточных солдат 1654–1669 гг. (РГАДА. Ф. 137. Устюг Великий. Д. 109 (в тексте – Росп. 1654)), «Выборная» книга солдат из крестьян 1660 г. (РГАДА. Ф. 137. Устюг Великий. Д. 135, 136 (в тексте – Росп. 1660)), «Устюга Великого посадского человека Грובה съ товарищи росписи, кто имянно взяты в солдаты... 1671 г.» (РГАДА. Ф. 137. Устюг Великий. Д. 191 (в тексте – Росп. 1671)) и др.

Антропонимия Усольского у. рассматривалась по данным сотных книг XVI в. (Сотная из писцовых книг письма А.И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на вотчину Коряжемского монастыря 1586 г. // *Социально-правовое положение северного крестьянства: досоветский период*. Вологда, 1981 (в тексте – СК Усол. 1586); Сотная 1586 г. на вотчину вологодского архиепископа в Вилегодской волости Усольского уезда // *Шумиков С.А.* Сольвычегодские сотницы. М., 1905); сотных с писцовых книг Вилегодской волости 1625, 1635–1636 гг. (Архив Вологодского областного краеведческого музея (далее – АВОКМ). Ф. 1. Вологодский архиерейский дом. Оп. 2. Д. 66 (в тексте – ПК Уст. 1623–2)); Писцовой книги Соли Вычегодской 1645 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 447 (в тексте – ПК СВ 1645; ПК Устьян. 1635)); переписных и писцовых книг Лальского посада XVII в. (*Пономарев И.* Сборник материалов для истории г. Лальска. Т.1. В.Устюг, 1887 (в тексте – ПК Лальск, 1678)); частно-деловых и хозяйственных актов Николаево-Коряжемского монастыря XVII в. (АВОКМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2) и др. Личные именованья крестьян Устьянских волостей извлечены из «Подлинной переписной книги дворов и людей черных деревень в волостях Шангале, Соденгской, Ростовской, Чадромской, Пежемской, Чушевицкой и Никольской переписи Дмитрия Михайловича Овцына 1635–36 гг.» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15038); Крестоприводной книги Устьянских волостей 1682 г. (РГАДА. Ф. 137. Устьянские волости. Д.3 (в тексте – КПК Устьян. 1682)) и др.

⁸ Власова И.В. Этнический состав населения в верховьях Северной Двины и ее притоков по переписям XVIII – первой четверти XX в. // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 32.

⁹ Колесников П.А. Миграция северного крестьянства в XVI – начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 354–355.

¹⁰ Власова И.В. Этнический состав населения... С. 31.

¹¹ Кюрицкина И.А. Славянская антропонимия Карелии XV–XVII веков в связи с реконструкцией лексики донационального периода. Вологда, 1994. С. 10.

¹² Зинин С.И. Словообразование русских личных имен XVII–XVIII вв. (на материале переписных книг городов России) // Тр. Самаркандского гос. ун-та. Нов. сер. Вып. 209. Русское словообразование. Самарканд, 1971. С. 263; Карпенко А.Ю. Деминутивное антропонимическое словообразование (на материале русских говоров Юга Украины) // Вопросы ономастики. Вып. 14. Свердловск, 1980. С. 99–110; Вуйтович М. Древнерусская антропонимия XIV–XV вв.: Северо-Восточная Русь. Познань, 1986. С. 54–60; Чайкина Ю.И. К географии неофициальных личных имен... С. 70–78; Алабугина Ю.В. Антропонимы-деминутивы на материале антропонимов Русского Севера // Проблемы региональной русской филологии. Вологда, 1995. С. 110 и др.

¹³ Гвоздева Е.Л. Указ. раб. С. 82.

¹⁴ Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Историческая ономастика. М., 1977. С. 108.

¹⁵ Гвоздева Е.Л. Указ. раб. С. 80.

¹⁶ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984–1989 г. М., 1993. С. 212.

¹⁷ Сельвина Р.Л. Личные имена в Новгородских писцовых книгах XV–XVI вв.: Дис... канд. филол. наук. М., 1976. С. 138.

¹⁸ Колесников П.А. Указ. раб. С. 366.

¹⁹ Там же. С. 355.

²⁰ Бернштам Т.А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 211.

²¹ Бушмакин С.К. Дохристианские личные имена удмуртов // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики. М., 1970. С. 263.

²² Вечканова А.В. Семейные основы и их лексико-семантическая и словообразовательная характеристика // Основные тенденции развития финно-угорских языков. Саранск, 1985. С. 134.

²³ Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989. С. 293.

S. N. S m o l' n i k o v. Anthroponymy of the 17th century's Upper Dvina river area as a source for studies in the history of the peopling of the territory

This article is based on a study in the anthroponymy of the Upper Dvina river area of the 16th–17th centuries which allows making a few conclusions concerning the peopling of the territory and the processes that affected the ethno-cultural appearance of its inhabitants. In his study the author draws on the data of the Old-Russian anthroponymy of the Ustyug and Usol *uyezds* (districts) as registered in the monuments of the local business records.